

С.С. БУТОРИН

ЗАЛОГОВОСТЬ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

При исследовании любого языка необходимо различать семантические категории в том понимании, которое придается им в функциональной грамматике, и грамматические, в первую очередь морфологические категории.

Залоговость в функциональной грамматике определяется как комплекс функционально-семантических полей, включающий поля активности / пассивности, возвратности (рефлексивности), взаимности (реципрокности). Функционально-семантическое поле включает равноуровневые средства языка, которые используются для характеристики действия в его отношении к семантическому субъекту и семантическому объекту, каждому из которых соответствует тот или иной элемент синтаксической структуры предложения (подлежащее, прямое или косвенное дополнение) [ТФГ 1991: 126].

Залоговость является, по всей видимости, универсальной семантической категорией и присуща всем без исключения языкам, в том числе и кетскому. Иначе обстоит дело с залогом как грамматической категорией, имеющей морфологическое выражение и образующей ядро языковых средств выражения семантической категории залоговости.

Обращение к семантической категории залоговости обусловлено широчайшим диапазоном точек зрения относительно категории залога в кетском языке. Количество выделяемых залогов варьирует от нуля до семи. Многие исследователи отрицают наличие указанной категории в кетском [Валл, Канакин 1988: 8; Белимов 1991: 57; Решетников, Старостин 1995: 87–93], напротив же, А.П. Дульзон и его последователи выделяют 7 залогов: актив, медиум, пассив, каузатив, медио-пассив, медио-каузатив и каузатив-пассив [Дульзон 1968: 140–141]. Относительно залогов типа каузатива-пассива можно сразу же заметить, что наличие словоформ, сочетающих в себе два частных категориальных признака одной и той же грамматической категории, вызывает сомнения относительно факта существования самой категории.

Вначале уместно будет сделать несколько замечаний относительно механизма согласования глагола-предиката с актантами.

Кетская глагольная словоформа может максимально согласовываться с тремя актантами, и в ее максимальной порядковой модели выделяются три согласовательные позиции: позиция 1 – позиция согласования с агенсом, позиция 2 – позиция согласования с фактитивом (термин, используемый Э.И. Белимовым), или дативом (в терминологии К.Ю. Решетникова и Г.С. Старостина [Решетников, Старостин 1995]) и позиция 3 – позиция согласования с пациенсом. Мы будем использовать термин датив. Указанные порядки заполняются лично-классными аффиксами, образующими парадигматические ряды. Далее в примерах верхними индексами обозначаются согласовательные позиции, а нижними индексами – имена актантов с которыми коррелирует та или иная согласовательная позиция.

Попытаемся рассмотреть с позиций концепции диатез и залогов явления кетского языка, дающие исследователям основания либо выделять, либо отрицать наличие грамматической категории залога.

Диатеза – это соотношение единиц уровня референтов (участников ситуации), уровня семантических ролей (агенса, пациенса и т.д.) и синтаксического уровня (подлежащее, прямое дополнение и т.д.). С точки зрения динамического синтаксиса выделяются исходные диатезы, характерные для исходных синтаксических конструкций, в которых иерархия семантических ролей соответствует иерархии синтаксических актантов, т.е. агенса (семантическая роль) соответствует подлежащему (синтаксический актанта). В производной пассивной конструкции меняется соотношение единиц семантического и синтаксического уровней: партиципанта, являющийся семантическим субъектом (агенса), не занимает позицию синтаксического субъекта и либо синтаксически не обозначается, либо выступает в позиции агентивного дополнения [Холодович 1979: 284; Храковский 1981: 5, 10–11; Храковский 1991: 142–143].

При рассмотрении исходных и производных диатез необходимо опираться на принцип тождественности лексикографического толкования глагольной леммы. Специфика глагола состоит в том, что он не только обладает определенным лексическим значением и является единицей концептуальной номинации, но и одновременно репрезентирует тип ситуации и определяет набор семантических актантов ситуации, описываемой предложением-высказыванием. Способность глагола-предиката предсказывать набор участников репрезентируемой ситуации принято называть валентностью или падежной рамкой. Семантическая валентность глагола-предиката на поверхностно-синтаксическом уровне

реализуется как синтаксическая валентность, или валентность на синтаксические актаны. Тожественность глагольной лексемы обеспечивается не только идентичностью лексического значения, но и неизменностью набора (количественного и качественного) как семантических, так и синтаксических актантов, которые входят в толкование глагольной лексемы (ср. [Храковский 1989: 22; Храковский 1991: 142], где подчеркивается, что неизменность лексемы обеспечивается главным образом ролевой структурой, которая остается постоянной при любом синтаксическом употреблении лексемы). Говоря о синтаксической валентности, мы имеем в виду прежде всего ближайшие синтаксические актаны – синтаксический субъект и синтаксический (прямой) объект. Так, например, синтаксическая валентность на присутствие / отсутствие прямого объекта также входит в толкование глагольной лексемы. В предлагаемой трактовке, таким образом, субъектные (непереходные) и субъектно-объектные (переходные) словоформы полиперсональных языков, образованные от одной и той же, так называемой лабильной основы, будут относиться к различным глагольным лексемам.

При анализе кетского материала полезно учесть наблюдения И.А. Мельчука относительно возможных типов изменения диатезы, которые сводятся к двум операциям: операции перестановки и операции вычеркивания. Залог, маркирующие перестановку актантов, именуются пассивами; залог, маркирующие вычеркивание актантов супрессивами или имперсоналами. Выделяются имперсоналы субъектные (агентивные), прямо-объектные (пациентные) и т.д. [Мельчук 1991: 64–65].

Кетские словоформы, относимые к пассивным глаголам или глаголам с пассивным значением, соответствуют супрессиву (имперсоналу), а именно агентивному супрессиву, если воспользоваться терминологией И.А. Мельчука, т.к. в результате операции устранения агенса происходит вычеркивание агенса из поверхностно-синтаксического представления высказывания, в которое входит словоформа глагольной лексемы.

При устранении показателя агенса (позиция 1) глагол становится ориентированным на объект (датель – позиция 2, или пациенс – позиция 3), что “может придавать глаголу характер пассивного действия” [Успенский 1968: 205].

Учитывая то, что операция устранения агенса относится к операциям вычеркивания актанта, представляется целесообразным говорить об агентивном супрессиве (имперсонале), а не о пассиве. Такому пониманию кетских фактов способствуют следующие обстоятельства:

(1) Невозможность использования агентивного дополнения при рассматриваемых дериватах в кетском языке свидетельствует о вычеркивании агенса [Мельчук 1991: 65]. Допустимо лишь использование инструментального дополнения типа дун'иң $d=a=v=\text{æ}=p/a/=ij$ кимнæ л'аңын=ас 'дымокуры положены женскими руками', где формант =ас', являющийся показателем орудно-совместного падежа, оформляет инструментальное дополнение л'аңын 'руки'. Невозможность использования агентивного дополнения составляет существенное отличие операции вычеркивания от перестановки (пассива).

(2) Позиция показателя агенса в структуре глагольной словоформы элиминируется, устраняется; одновременно ликвидируется синтаксическая позиция имени агенса. При этом невозможно заполнение позиции агенса показателем, согласующимся с именем другого актанта, выдвигаемого в приоритетную синтаксическую позицию – в фокус высказывания. Иными словами, позиция агенса в структуре глагольной словоформы не является согласовательной позицией "подлежащего". Изменение заполнения согласовательных порядков глагола не происходит. Маркировка актантов, сохраняющихся в производной конструкции, остается прежней как на уровне именной морфологии, так и на уровне глагольной: пациенс и датив в производной конструкции маркируются так же, как и пациенс и датив исходной конструкции:

(1а) a_1 тың₃ $d^1=a=v^3$ =ро 'я₁ волосы₃ я¹=стригу=это³';

(1б) тың₃ $a=v^3=\text{æ}$ =ро 'волосы₃ остриженное=это³';

(2а) a_1 ус'₂ $d^1=a^2=\Upsilon=\text{æ}п=\text{тæт}$ 'я₁ лист=бересты₂ я¹=его²=скоблю';

(2б) ус'₂ $a^2=\Upsilon=\text{æ}в=\text{æ}=\text{тæт}$ 'лист=бересты₂ скобленный=он²'.

Итак, словоформы, функционально приравняемые к пассивным, относятся нами к грамматической категории агентивного имперсонала, а словоформы, представленные в исходной и производной синтаксических конструкциях, входят в агентивно-персональную и агентивно-имперсональную парадигмы глагольной лексики.

Рассматриваемые образования некоторые исследователи относят к результативу. Так, например, Г.К. Вернер склонен выделять в кетском языке пассив-результатив [Werner 1995: 139–146]. К.Ю. Решетников и Г.С. Старостин считают, что данные образования следует относить к результативным причастиям [Решетников, Старостин 1995: 87–93].

Действительно, наблюдается функциональное схождение супрессива, точно так же, как и пассива, с одной стороны, и результатива, с другой, что, по-видимому, объясняется некоторым функциональным сходством операции вычеркивания агенса (как и пассива) с результативным

преобразованием, которое проявляется в том, что устранение агенса и пассив также характеризуются функцией “выделения” (“рематизации”) консеквентного состояния в глагольном значении [Сильницкий 1983: 62]. Не исключено, что одной из функций агентивного имперсонала как операции преобразования диатезы является образование морфологических результатов в кетском языке.

Под результатом понимается форма, “обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие”. Результатив противопоставляется стативу в том плане, что “статив сообщает только о состоянии предмета, результатив же – одновременно о состоянии и о предшествующем ему действии” [Недялков, Яхонтов 1983: 7].

Последнее замечание оказывается существенным для нас в том плане, что сообщение о предшествующем действии содержит и импликацию относительно агенса предшествующего действия. Хотя агенс не представлен эксплицитно на поверхностно-синтаксическом уровне, имплицитно он содержится в семантическом толковании глагольной лексики. На этом основании мы делаем вывод о том, что в данном случае в кетских производных имперсоналах-результативах не происходит изменение семантического толкования по сравнению с исходной нерезультативной словоформой. Вычеркивание агенса происходит лишь на поверхностно-синтаксическом уровне. Значение действия, хотя бы и предшествующего, неотделимо от его исполнителя-агенса. В отличие от пассива и результатива в производной имперсональной словоформе не происходит изменение синтаксического статуса семантического актанта с ролевой характеристикой датива или пациенса (семантического объекта), о чем свидетельствует сохранение в производной словоформе согласовательной позиции датива (позиция 2) или пациенса (позиция 3). Субъект наступившего в результате совершенного действия состояния не может вводиться в синтаксическую позицию агенса (подлежащего) и занимать согласовательную позицию агенса (позиция 1).

На основании вышеизложенного имперсонал-результатив относится нами к фактам словоизменения.

Перейдем к рассмотрению рефлексивных и реципрокных форм. Собственно рефлексивное значение определяется как “полная или частичная однореферентность объекта действия с его субъектом” [Бондарко 1991: 239], причем полное или частичное референтное совпадение может иметь место не только между субъектом (агенсом) и объектом (пациенсом), но и между субъектом и другим актантом [Недялков 1975: 21].

В отношении кетского языка нужно отметить, что один и тот же референт может выступать в ролях (а) агенса (позиция 1) и пациенса (позиция 3) и (б) агенса (позиция 1) и датива (позиция 2).

Средством рефлексивной маркировки в системе кетского глагола является специфический морфологический механизм, состоящий в корреляции по лицу и числу двух рядов лично-классных ролевых показателей – рядов агенса (д/д или ди/ду), с одной стороны, и рядов пациенса (д/0) или датива (ба/бу либо бо/бу), с другой, в целях маркировки коррелентности ролевых показателей. При рефлексивном преобразовании согласовательные позиции пациенса и датива в структуре глагольной словоформы сохраняются. На синтаксическом уровне происходит элиминация позиции непервого актанта:

(3а) бу₁ а₃ ду¹=т³=тан' 'он₁ меня₃ он¹=меня³=опоясывает';

(3б) а₁ ди¹=т³=тан' 'я₁ я¹=я³=опояшусь';

(4а) бу₁ а₂ д¹=ун'=бо²=к=си=вет 'он₁ меня₂ он¹=меня²= испачкает';

(4б) а₁ д¹=ун'=бо²=к=си=вет 'я₁ я¹=я²=испачкаюсь'.

В (3а) =ду= – показатель 3-го л. агенса, =т= – показатель 1-го л. пациенса; в (3б) =ди= – показатель 1-го л. агенса, =т= – показатель 1-го л. пациенса; в (4а) =д= – показатель 3-го л. агенса, =бо= – показатель 1-го л. датива; в (4б) =д= – показатель 1-го л. агенса, =бо= – показатель 1-го л. датива (показатели агенса 1-го л. и 3-го л. мужского класса омонимичны). В (3б) и (4б) оба ряда лично-классных ролевых показателей коррелируют по лицу и числу.

Исходя из вышепредложенного понимания тождественности лексемы, приходится констатировать, что кетские неререфлексивные и рефлексивные словоформы принадлежат различным лексемам, связанным отношениями словообразования, так как происходит элиминация синтаксической позиции второго актанта (=прямого дополнения) и изменение модели синтаксической валентности, т.е. рассматриваемые рефлексивные и неререфлексивные словоформы различаются по признаку переходности / непереходности и, кроме того, у рефлексивного глагола на единицу уменьшается число референтов (=участников описываемой глаголом-предикатом ситуации). В семантическое толкование лексемы вводится семантическая роль рефлексивного деятеля [Главса 1978: 154]. Не исключена, однако, и иная трактовка рефлексивности, при которой неререфлексивные и рефлексивные словоформы образуют категорию синтаксической референтности [Храковский 1981: 38]. Однако наличие в кетском языке большого числа рефлексивов, не имеющих соотноси-

тельных нереклексивных коррелятов, затрудняет выделение категории референтности как словоизменительной категории.

В кетском языке, так же как и в ряде других языков, наблюдается сходство образования рефлексива и реципрока, которое проявляется в сходстве рефлексивной и реципрокной маркировки: в качестве той и другой выступает один и тот же механизм, состоящий в корреляции по лицу, числу актанта двух рядов актантно-ролевых показателей.

Однако между рефлексивом и реципроком отмечаются и различия. Реципрок в кетском языке, также как и в других языках, имеет лишь три формы лица и числа: 1-е, 2-е и 3-е лицо множественного числа, в то время как рефлексив имеет все формы. В реципроке в качестве коррелирующих рядов ролевых показателей используется ряд агенса (позиция 1) и ряд датива (позиция 2). В рефлексиве же по лицу, числу актанта коррелируют ряд агенса (позиция 1), с одной стороны, и либо ряд пациенса (позиция 3), либо ряд датива (позиция 2) [ср. Белимов 1991: 91]. Следовательно, особенность реципрокной маркировки на уровне глагольной морфологии состоит в том, что используется механизм корреляции по лицу и числу лишь показателей агенса и датива, причем только во множественном числе, так как реципрок предполагает как минимум двух участников:

(5а) бу₁ бу₂ т¹=хатаң=о²=к=си=вет 'он₁ его₂ он¹=его²=обнимет';

(5б) буң₁ т¹=хатаң=бу²=к=си=вет=ин 'они₁ они¹=они²(друг друга)² обнимут' ['обнимутся'].

Реципрок относится также к словообразованию на том основании, что в лексическое толкование глагольной лексемы добавляется сема 'друг друга', например: 'целовать': 'целоваться (целовать друг друга)'. Производная реципрокная лексема утрачивает синтаксическую валентность на прямой объект (датив).

Категория каузатива выводится за пределы категории залога по той причине, что некаузативный и производный каузативный глаголы имеют различные толкования [Храковский 1989: 24]. В лексическое толкование глагола вводится сема каузации. Семантическая и синтаксическая валентности глагола увеличиваются на единицу: добавляется субъект-каузатор; субъект действия, называемого некаузативным глаголом, становится каузированным субъектом и понижается в синтаксическом ранге; одновременно открывается дополнительная синтаксическая позиция, занимаемая субъектом-каузатором, а каузируемый субъект перемещается в синтаксическую позицию объекта:

(6а) ат₁ т¹'=н'ан'бәт=қи=в³=ит 'я₁ я¹=хлеб=буду=печь=из=этого³';

(66) бу₁ ат₃ т¹=н'ан'бәт=қ=ир³=ит 'он₁ меня₃ он¹=меня³=заставит
=печь=хлеб'.

Итак, в кетском языке пассив как грамматическая категория залога отсутствует. На основании анализа операции, лежащей в основе преобразования диатез в кетском языке, выделена грамматическая категория имперсонала, в которую входят агентивно-персональная парадигма и агентивно-имперсональная парадигма. Нереклексивные, нереципрочные и некаузативные словоформы и производные рефлексивные, реципрокные и каузативные словоформы принадлежат различным глагольным лексемам и залоговых оппозиций не образуют.

ЛИТЕРАТУРА

Белимов 1991: *Белимов Э.И.* Кетский синтаксис. Ситуация. Пропозиция. Предложение. Новосибирск, 1991.

Бондарко 1991: *Бондарко А.В.* Формы и функции возвратности и взаимности. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 239–241.

Валл, Канакин 1988: *Валл М.Н., Канакин И.А.* Категории глагола в кетском языке. Новосибирск, 1988.

Главса 1978: *Главса З.* Некоторые замечания о рефлексивности // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 152–155.

Дульзон 1968: *Дульзон А.П.* Кетский язык. – Томск, 1968.

Мельчук 1991: *Мельчук И.* Еще раз к вопросу об эргативной конструкции // ВЯ. 1991. № 4. С. 46–88.

Недялков 1975: *Недялков В.П.* Типология рецессивных конструкций. Рефлексивные конструкции // Диатезы и залого: Тезисы конференции “Структурно-типологические методы в синтаксисе разноструктурных языков”. Л., 1975. С. 21–33.

Недялков, Яхонтов 1983: *Недялков В.П., Яхонтов С.Е.* Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 5–41.

Решетников, Старостин 1995: *Решетников К.Ю., Старостин Г.С.* Структура кетской глагольной словоформы // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1995. С. 7–121.

Сильницкий 1983: *Сильницкий Г.Г.* Структура глагольного значения и результатив // Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 54–65.

ТФГ 1991: *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость.* СПб., 1991.

Успенский 1968: *Успенский Б.А.* О системе кетского глагола // *Кетский сборник. Лингвистика.* М., 1968. С. 196–228.

Холодович 1979: *Холодович А.А.* Залог I: Определение. Исчисление // *Холодович А.А. Проблемы грамматической теории.* Л., 1979. С. 277–292.

Храковский 1981: *Храковский В.С.* Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // *Залоговые конструкции в разноструктурных языках.* Л., 1981. С. 5–38.

Храковский 1989: *Храковский В.С.* Тюркский залог с позиций универсальной концепции диатез и залогов // *Советская тюркология 1989. № 5.* С. 22–25.

Храковский 1991: *Пассивные конструкции* // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость.* СПб., 1991. С. 141–180.

Werner 1995: *Werner, Heinrich.* Zur Typologie der Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1995.